

и расширения собственного влияния. Подобная тактика имела успех, но не среди тех, кто лично знал приёмы А.И. Гучкова. Александр Иванович был человеком темпераментным и честолюбивым, но в пылу политической борьбы играл только за себя. Он оказался плохим лоббистом, и этого москвичи ему не простили (с. 508–512). При таких личных качествах, даже обладая широкими связями в «сферах», трудно было рассчитывать на прочную и долговременную поддержку. Путь, пройденный Гучковым весной 1917 г. от псковского триумфа до позорной отставки с поста военного министра, стал тому подтверждением.

В заключении, подводя итоги и выйдя за установленные им хронологические рамки книги, автор пишет о том, что сталинизм «утверждался в рамках “фирменной” беспоповской староверческой психологии» (с. 644–645). Между тем нельзя не отметить, что эта психология скорее была близка большевизму как таковому с его бескомпромиссной идеологией и сектантскими принципами партийного строительства. Как тут не вспомнить крестьянского поэта Н. Клюева: «Есть в Ленине керженский дух, // Игуменский окрик в декретах, // Как будто истоки разрух // Он ищет в “Поморских ответах”».

Иными словами, при всей спорности авторской концепции затронутые А.В. Пыжиковым проблемы не могут не заинтересовать как исследователей, так и всех читателей, интересующихся русской историей. А это значит, что книга удалась.

Сергей Куликов: То, что аукнулось в XVII в., откликнулось в 1917 г.

Для советской историографии всегда была характерна секуляризация религиозных аспектов исторического процесса – в лучшем случае их сводили к социально-экономическим факторам, а в худшем – не замечали вообще. Между тем определяющее влияние религиозной мотивации, в прямой или опосредованной форме, даже на экономическую деятельность человека после «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова и «Протестантской этики» М. Вебера представляется уже очевидным. Уникальность книги А.В. Пыжикова состоит в том, что в ней говорится не столько о русском расколе, которому посвящена громадная литература, сколько о его влиянии на русскую историю. Религиозная борьба середины XVII в. для нас во многом закрыта культурным разделением начала XVIII в., Пётр I в чём-то кажется нам ближе и понятнее, чем Алексей Михайлович. Однако тот, первый раскол, затронувший экзистенциальные глубины народного самосознания, по своим долговременным последствиям был гораздо важнее, нежели второй, явившийся всего лишь его верхушечным продолжением. Старообрядческая этика со временем стала мощной закваской для нарождавшегося в России капитализма, и неудивительно, что во взаимоотношениях староверов с властью гонения сменялись послаблениями – государственные интересы не позволяли резать курицу, несущую золотые яйца. Вместе с тем длительные периоды преследований содействовали созданию старообрядцами особой субкультуры, сходной в каком-то смысле с той, которая сформировалась в Российской империи у евреев. Противостояние власти закреплялось из поколения в поколение, и немудрено, что многие староверы оказались среди руководителей и участников восстаний С. Разина, К. Булавина, Е. Пугачёва.

А.В. Пыжиков едва ли не первым из историков попытался осветить политическое влияние старообрядцев не только в XVII–XVIII, но и в XIX–XX вв. Советские учёные много писали об отличии московской буржуазии от петер-

бургской, однако как будто не замечали, что понятие «московская» в данном случае следует понимать как «старообрядческая». Стущёвывалось и то, что занималась эта буржуазия не только реализацией масштабных экономических и гуманитарных проектов, но и активным финансированием «людей из подполья». Все рассуждения о стихийном творчестве масс теряют смысл, если учесть показанный Пыжиковым вклад купцов-староверов (а также Японии и Германии) в подготовку российских революций 1905 и 1917 гг. В изображении автора книга история России начала XX в. предстаёт как грандиозная борьба двух реформаторских «проектов» – петербургского (никонианского) и московского (старообрядческого).

Февральская революция, ниспровергшая «царство антихриста», колосс «петровской империи», стала триумфом старообрядчества. Неудивительно, что решающую роль сыграл тогда Центральный военно-промышленный комитет, действовавший в Петрограде, но по сути являвшийся цитаделью не петроградской, а московской старообрядческой буржуазии. ЦВПК оказался троянским конём, введённым в столицу «антихристового царства» для его разрушения, а председатель ЦВПК А.И. Гучков, опиравшийся на старообрядческие круги, выступил в роли могильщика империи. Так в 1917 г. откликнулось то, что аукнулось в XVII в. Но это было только начало, поскольку и среди староверов проявлялась разобщённость между европеизированными поповцами и беспоповской массой. Впрочем, не следует и преувеличивать конфессиональную гетерогенность русских, как это делает Пыжиков, утверждая, что «в России со времён раскола (т.е. двести с лишним лет) единой религиозной среды не существовало, потому как в отличие от западных соседей конфессиональная рассортировка здесь не приняла конкретно-географических очертаний» (с. 642).

По мнению А.В. Пыжикова, социальной опорой сталинского режима стала именно громадная беспоповская старообрядческая масса (с. 644–645), чем объясняются, в частности, и «факты невиданных гонений на иерархию РПЦ», поскольку у беспоповцев и «никонианская» иерархия, и её храмы вызывали такую же ненависть, как и у атеистов. Однако случайно ли, что в самый критический для его режима и всей страны момент, в условиях тяжелейшей войны И.В. Сталин обратился за поддержкой именно к патриаршей (хотя и не имевшей тогда патриарха) православной Церкви. Следовательно, всё же в народной среде она пользовалась, по меньшей мере, таким же авторитетом, как и беспоповское старообрядчество.

Елена Мамонова: Бегство от «никонианской действительности»

В своей книге А.В. Пыжиков обращает внимание читателей на до сих пор ещё мало изученный конфессиональный аспект социально-экономической и политической истории Российской империи. При этом он стремится «показать, что русский раскол это не удел мелких групп, обречённых обитать в условиях этнографического чулана, а масштабное явление не совсем маргинального характера» (с. 6). Старообрядцы, по словам автора, были «самой многочисленной частью народных низов» (с. 622). Более того, читая книгу, иногда можно подумать, что они собственно и есть русский народ, которому противостоят враждебные «никониане». «Русское крестьянство, – пишет Пыжиков, – и выходцы из него – купцы всех трёх гильдий – представляли народную среду с присущими ей традициями, бытом, языком. Объединительным началом высту-